

ОСТРОВ КРУТЫХ ЗЮЙД-ОСТОВ

Недальнее путешествие

Малиновский Валерий Мечиславович,
журналист,
лауреат

*Дальневосточного конкурса
природоохранной
журналистики «Живая тайга»,
г. Находка*

*Одна из сложнейших задач современности –
проблемы замедления процесса уничтожения
живой природы...*

Арчи Карр

*Оставив за собой следы из пены белой,
В песчаный берег носом ткнулся катер наш,
И задремал. А мы? Мы весело и смело
Сей заповедный край берём на бордаж...*

Ольга Кудоярова

Искромётный курс

Море! Скорость! Напор солнца и ветра!

Рассекая гладь на два пенных крыла, летит белый катерок
под 200-сильным подвесным «Меркурием» по синему морю –

лебедь лебедем. Впереди – едва заметная на водном горизонте
крапинка. К ней!

Слева, справа, сзади – ещё три морских такси.

Пассажиры маломерной эскадры – 36 журналистов:
газетчики, телевизионщики, работники радио. Кипит за кормой
кильватерный след, «крапинка» всё больше обретает черты
зелёной скалистой земли – самого южного российского острова.
Подробное его описание состоялось в 1854 году моряками
легендарного фрегата «Паллада». Они же и назвали его – по имени
Ивана Васильевича (Югана Халтусовича) Фуругельма, в ту пору
командира барка «Князь Меншиков», участника дипломатической
миссии адмирала Евфимия Путятина в Японию, а позже военного
губернатора Приморской области, вице-адмирала.

Для девушки с Камчатки приморский юг – экзотика,
восторг. Белокурые волосы трепещут, словно флаг корабля, лицо
вздёрнуто к солнцу – притяжение!

Неистовая скорость покорила меня ещё в детстве.
Почтовый глиссер ежедневно «прилетал» по амурской протоке к

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

нашему дому, одиноко стоящему на склоне обрывистого скального берега с пемзовыми выступами. Однажды пилот меня прокатил.

На траверзе бухты Пемзовой, известной стоянками людей неолита и тысячелетним городищем чжурчжэней, море, поигрывая мёртвой зыбью, распахивает всю свою широту. Рассекая увалы «мёртвых» волн, катер ритмично и высоко разбрасывает пенные «крылья» – вот-вот взлетим.

Пытаюсь докричаться до единственного члена экипажа – и капитана, и рулевого – загорелого паренька лет двадцати в чёрных очках и бейсболке задом-наперёд.

– Сколько до острова ходу?!

– Сегодня тихо! – кричит ещё громче он, услышав вторую мою попытку, и сбрасывает обороты. – За сорок минут дойдём. Я – Сергей. Можно просто Серёга. – И глушит мотор. Катер замирает у камней Михельсона, торчащих субмариной из воды на нашем пути. Выныривают зеркальные головки, в любопытных глазах – искорки. – Это ларги. Не делайте резких движений. Сейчас подплывут ближе. Тут небольшая семейка живёт.

Ларга – один из видов тюленей. В водах залива Петра Великого, подогреваемых веткой Цусимского течения, держится круглый год. А вот её охото- и беринговоморские сородичи, хотя и тушкой помельче, предпочитают воды холодные. Чуть восточнее этих камней, на судоходных путях, ларга пуглива, а тут в малопосещаемом южном районе Дальневосточного морского заповедника она с людьми не прочь и пообщаться. Снимаем на телефоны и фотокамеры метров с тридцати пяти, бросаем гостинцы. Ларга ныряет и вскоре снова появляется на поверхности воды. Но близко всё равно не подплывает.

Время экскурсии ограничено. К вечеру надо вернуться в бухту Бойсмана, на турбазу «Заповедную». Там мы, журналисты с Приморья, Забайкалья, Амурской области, Хабаровского и Камчатского краёв – призёры Дальневосточного конкурса природоохранной журналистики «Живая тайга», собрались на пятидневный слёт-семинар. Его цель – экологическое просвещение и вручение наград: символических кованных жёншеней с гроздкой

красных ягод, изготовленных владивостокскими мастерами фирмы «Куй с нами», и дипломов от Амурского филиала Всемирного фонда дикой природы, главного организатора информационной защиты животного-растительного мира Дальнего Востока России.

От Посьета, посёлка на берегу одноимённой бухты в южной части залива Петра Великого, откуда мы стартовали на катерах, до Фуругельма 18 миль. И мы прощаемся с ларгами.

Деликатесы и тайфунчики

Первое, что бросается в глаза на излёте пути, – евродомик на зелёном склоне обрывистого берега бухточки Западной, золотистый песок, чаечный грай в синем небе. К чудесному пляжу, обильно

политому солнцем, и причаливаем.

– «Привет, Фуругельм!» – машем руками искрящемуся острову, соскакивая с катера в лазурную воду.

У двух лодок с бортовыми опознавателями «Охрана», стоящих на «товсь», – двое в форме. Инспектора заповедника Евгений Свинцицкий и Сергей Азанов немногословны. Но общий язык нашёлся: я-то в молодости – «рыбачий патруль». Так, поджек-лондоновски, и представился – ради журналистских трофеев.

Работают парни посменно – от вахты к вахте.

– Браконьерства много?

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

– Хватает...

– Погранцы разве не помогают?

– Помогают... Но за всеми не уследишь... Браконьеры нынче организованные. Лодки – мореходные, с навигацией, с хорошей связью, скорость – 60-70 километров. На лов выходят бригадой, человек 5-6 спецов: судоводитель, водолазы. Сетки-питомзы с добычей поднимает «помогайка», тоже штатный человек. Работают слаженно, быстро, чаще в туман, в небольшой шторм. Мы в такую погоду на приколе, да и выходить – смысла нет, не догоним. А если кого и ловим, так улов выбрасывают за борт. Штраф – только за нахождение в запретном районе. Он мизерный, не напугаешь...

Наше время на острове – знания. И мы спешим.

А вообще, грабят заповедное море нещадно. Запасы деликатесных его обитателей: трепанга, краба, гребешка за последние 30 лет катастрофически подорваны, уменьшились в сотни раз. Даже промысловые суда, случается, урывают лакомый кусок. Заскакивают ночью, выставляют порядки с крабовыми ловушками и уходят на 2-3 дня. Вернувшись, быстренько выбирают снасти и покидают запретный район. Вся предосторожность – завешивание названия и бортового номера. Да ещё в судовой журнал запишут липовые координаты. Постоянного

патрулирования, как в советское время, пограничники у границ заповедника не несут. Тридцать лет назад нарушителей из

Сакаиминато даже среди Японского моря ловили, на банке Кита-Ямато, у самой кромки нашей экономической зоны. Теперь и там дно опустело. В августе 2002 года в Морском заповеднике побывал Владимир Путин, ему дали полный расклад. Обещал поддержку «в этом вопросе». В 2003-м заповедник получил статус биосферного резервата. По иронии судьбы браконьерство с той поры потеряло в числе, но окрепло в умении. Уловы идут в Китай, несмотря на то, что пограничники и таможенники нет-нет да и «вылавливают» контрабанду на границе. В прибрежных городах Поднебесной целые улицы крабовых, гребешковых, трепанговых магазинов.

Полдень. Море насыщено солнцем, ультрамаринном. Парная вода затягивает наши тела в свои объятия. Горячий песок ждёт.

Нам повезло. Июль – пора туманов. Да и тайфуны замешкались. Но вот-вот завихрятся они у Филиппин, взвалят на спины без меры воды, ужмутся в «чёрные дыры» и рванут вереницей – прямиком сюда. Обрушат ливни на своенравный остров, пленивший аж 302 вида высших – немало и краснокнижных – растений, избежавших пагубы доисторического ледникового нашествия. И ладно бы свои, северные, пленил, а то и

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

южные, обратив их в эндемичную собственность. Ударят шквалы по радужному капюшону Фуругельма, по каждому цветку и тычинке, по всякой живой клетке – сорвут, понесут по белу свету. Взлетят к небу волны, рухнут на берега, сотрясая мысы, грохоча валунами. Сгорбятся дубки-берёзки, полягут травы, забьются в схроны мыши и птицы. А «чёрные дыры» жмут! жмут! Ещё чуть – и захлебнётся остров в кромешной мгле. Но просчитается буря. Измотает, изорвёт её остров. День-другой – только серые клочья по небу...

Много чем поживится стихия в отместку за своенравие Фуругельма. Примется остров зализывать раны, восполнять потери в уникальном своём растительно-животном хозяйстве. Одна только могильная сосенка – одна-одинёшенька на все два с половиной квадратных километра островной земли! – мёртвой хваткой вцепившись в плечо мыса бухты Северной, как ни в чём не бывало, встретит прорвавшееся на подмогу солнце. И засверкает, будто в арабской сказке, изумрудной одежкой в росных бриллиантах, являя стойкость удивлённому миру.

Благодаря встрече в заливе Петра Великого вод холодного Приморского и тёплого Восточно-Корейского течений, нет мест, равных по видовому разнообразию заповедной акватории с её островами Фуругельма, Большим Пелисом, островками Деливрона, Стенина, Гильдебрандта, Дурново и полудюжиной их меньших спутников, среди всех тринадцати (включая Каспийское море-озеро) морей, омывающих Россию.

Писателя-натуралиста Михаила Пришвина, добравшегося в 1931 году на Фуругельм, тропический ураган прихватил на полпути из Владивостока. Несколько дней он, переживая непогоду в Сидеми, записывал: «Большие птицы показываются и прячутся совсем чёрные, а кричат, как серые вороны. Серебристый тополь, битый и перебитый тайфуном, вывернул своё белое серебро, как зверь в последних мучениях вывёртывает белок своих глаз. Истошным голосом возле тополя вот уже третий день пищит какая-то маленькая птичка. Старуха на это обратила внимание, пожалела, предполагая, что тайфун убил её детей. Заведующий

испытательной станцией сказал: «На тайфунчики не обращайте внимания, ещё день–два и вернётся чудесная погода, и так на весь сентябрь, октябрь, а может быть, и в половине ноября всё будет стоять наше осеннее дальневосточное лето».

Тропа реликтов и легенд

За звание самого южного островного форпоста России с Фуругельмом мог бы поспорить островок Веры, лежащий невдалеке на одной с ним – почти 42-й с половиной – широте. Да чересчур мелковат. Но пусть оставит своё имя в каждом человеческом сердце, живёт символом веры в бережливое, а не варварское отношение к природе людей, взявших шефство над ними обоими, как и над всеми другими приютами Земли. Веры в то, что не погубят люди сбережённую островами реликтовую красоту планеты, не сведут до невозврата её цветущее разнообразие, не изуродуют неповторимую живописность лица.

Сегодня остров поёт всеми наличными голосами, сверкает красками. Мы идём любоваться природным достоянием Фуругельма. И историческим тоже. С первых шагов по туристической тропе гид Александр Куликов проверяет наши ботанические знания.

Рассказывает гид о. Фуругельма
Александр Куликов

– Что это за дерево, кто скажет? – указывает на рельефный ствол с приземистой узколистной кроной, полной и солнца, и тени.

Бархат амурский. Его кора – его беда. У крупных деревьев она до пяти сантиметров толщиной, эластична, декоративна. В былые времена её сплошь срезали на пробки и поделки. Плоды-костянки несъедобны, но тоже несут

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

людям пользу: одна-две ягодки в день помогут в лечении сахарного диабета. Да и просто тонизируют. Для «олень-цветка», как называл приморских пятнистых оленей Пришвин, листья бархата – лакомство. «Олень-цветок» – не метафора писателя. Так – хуа-лу – назвал в древности изящного оленя китайский поэт, так называют его в современном Китае. Но целебные панты красавца – его беда. Уже и дикого оленя в лесу не встретишь, и бархат редкость.

Туристы ходят строго по тропам, отступы недопустимы – и боковые заросли густы. Что ни шаг – над головой букеты цветов двух шиповников: белой розы морщинистой и красной – Максимовича. Тонкий аромат. Мы растянулись в редкую цепочку, любуясь пейзажами. Но вот стёжка расщепляется надвое. По маячкам светлых бейсболок – призам «Живой тайги» – не теряемся.

У высокого зубчатого дуба Александр Петрович дождался всех. Отсюда, с высокой террасы, пролив между островом и материковым мысом Халезова как на ладони.

– Ширина пролива пять километров. Одиннадцать лет назад его переплыла беременная кабаниха, – рассказывает гид. – Дикие свиньи на острове не водились. Что её привлекло – загадка. Родила двух поросят. Семейка начала разорять птичьи гнёзда, пожирать краснокнижных птенцов. Директор заповедника запросил у Москвы разрешение на отстрел. Почуввав недоброе, кабаниха схоронилась в непролазных зарослях шиповника, леспедецы, аралии, барбариса, девичьего винограда – вот они, вокруг, попробуй продерись! Привезли охотничьих собак. Те ринулись было в эти дебри, оставляя клочья шерсти на колючках, но быстро сообразили: овчинка выделки не стоит. И как им не сулили молочного поросёночка за героизм, участвовать в безнадежном деле отказались. Подсвинки вскоре сорвались со скал, погибли, выследить свинью не удалось. Решили башковитое животное амнистировать. Живёт на острове до сих пор. Напоминает о себе следами да пороями на тропе. Даже инстинкт сохранения вида не может вернуть хрюшку назад.

Знакомясь с обрывистым берегом, мы поднялись ещё выше, на почти 70-метровый мыс Бочкова, к батарее береговой обороны. Она размещена тут в 1939-м, спустя год после хасанского вооружённого столкновения с японцами. Сохранились четыре 130-мм орудия. В августе 1945 года с 25 километров они били по расположенным за пограничной с СССР рекой Туманной частям Квантунской армии, оккупировавшей Корейский полуостров. Фуругельмская 250-я батарея – единственная береговая, принявшая участие в войне с Японией. В 1960-х гарнизон расформировали. Из построек остался кирпичный остов дома комсостава с частоколом печных труб.

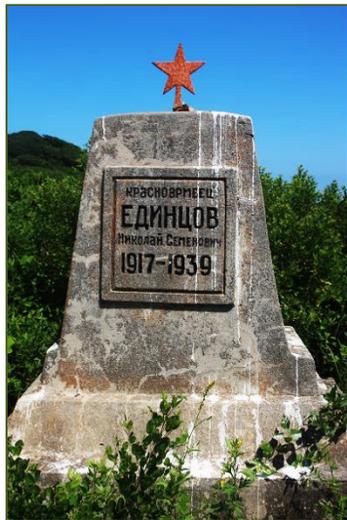

Развалины дома комсостава

Несколько лет назад работникам заповедника удалось разыскать жену командира артиллеристов в 1952-1956 годах, Валентину Григорьевну Белякову. Сегодня ей 93 года. Посетив за год до нас остров, она значительно обогатила его биографию, рассказав много интересных подробностей о событиях более чем полувековой давности. Как всякая уединённая земля, имеет Фуругельм свои легенды. Опустевшее командирское строение – «дом с привидениями». Подойдя к нему, узнали и мы о тайнах развалин.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

– Место было редко посещаемое. Но два раза в год приходил эсминец, доставлял снабжение, менял личный состав. И вот, по преданию, случился здесь после очередного людского обновления трагический любовный треугольник. С той поры призрак изменницы, застреленной мужем, появляется в полнолуние в проёмах окон второго этажа и утробным голосом вызывает к любимому. Две командированных аспирантки не поверили островному старожилу Александру Ратникову, услышав об этой «чепухе». Выпив для храбрости по бокалу шампанского, выступили в полночь на развенчание легенды. Рассказчик опередил их. Накинув на себя простынь, затаился в одной из комнат. Дальше – классика: приведение, визг, дёр во все лопатки.

Тропа привела к ещё двум памятным местам. В ложбине, ведущей к наивысшей, 120-метровой точке острова, – обелиск. Он поставлен в 1939 году красноармейцу Николаю Семёновичу Единцову, в 22 года погибшему при неизвестных краеведам обстоятельствах. Можно предположить, при возведении береговой батареи.

Другое памятное место – родник. Распадок, где ключик появляется на свет, осенён сумрачной рощицей, но уже «цивилизованной». Былую девственную экзотику, вероятно, не столь яркую, как на сказочных японских островах Мацусима или южнокорейском Погильдо, но всё же привлекательную, свели жившие тут люди. Скорее всего, в тяжкие годы Второй мировой войны – на дрова. Как бы то ни было, родничок напоит вкусной и, говорят, целебной для женщин водой. Молва гласит: хочешь забеременеть – приходи глубокой ночью, выпей стакан чудодейственной воды. Приезжие бездетные

женщины верили, приходили. И вот счастье! – появлялись дети. Но все как один были похожи на постояльцев острова.

Вдоль всего берега нас не провели, голоса двух с лишним сотен видов птиц, посещающих летний остров, мы не услышали.

Буревестник, поморник, розовая чайка – перелётные. Японский и даурский журавли, чёрный гриф, орлан-белохвост, беркут, сокол-сапсан – тоже гости. А вот самая крупная в мире колония чернохвостых чаек, около 50 тысяч пар, тут гнездится, над нами птицы покружились. Одна меня облюбовала, оставила «автограф» на кепочке. Здешний японский баклан тоже превосходит числом известные миру колонии.

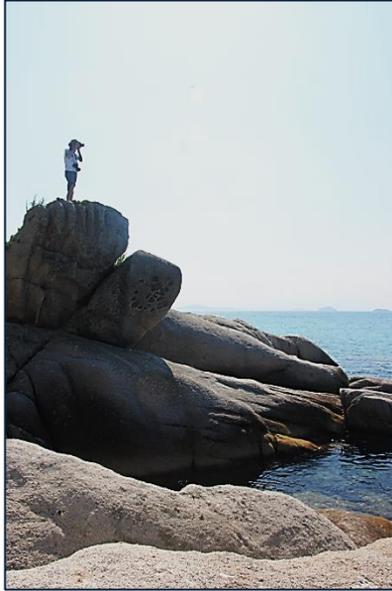
Любой живописный остров – магнит для поэта, художника, а то и потрясение. Кроме Фуругельма, в недалёком прошлом обитаемым был и Большой Пелис, теперь

только кордон на нём. Патриарх приморского авангарда, живописец Виктор Фёдоров, поскакавшись по райским уголкам залива Петра Великого, обосновался на Большом Пелисе, ещё дозаповедном, в 1971-м. В заброшенном доте обустроил мастерскую, жил в ней с ранней весны до поздней осени. В этой робинзонаде с самоочистительными раздумьями родились его языческие шедевры «ню» в образах дочерей Евы. На Погильдо жил поэт эры Чосон Юн Сон До, приглянувшийся для переводов на русский язык Анне Ахматовой. Впервые увидев острова Мацусима, великий Мацуо Басё потерял дар речи. Написал хокку:

*О, Мацусима!
О, Мацусима, о!
О, Мацусима!*

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Подводный мир Фуругельма – второе его царство. По богатству – первое. Во всяком случае, при создании заповедника в 1978 году, когда опустошительное браконьерство ещё не знало себя, на сублиторали обитало около двух тысяч видов

беспозвоночных. Тогда друзья мидий сплошняком, будто обоями, облепливали стены скал. Дно, заросшее ламинарией японской, филлоспадиксом, зостерой и множеством других водорослей и трав, устилал приморский гребешок, дальневосточный трепанг, морские звёзды – амурская, патирия гребешковая, дистоластерия колкая, бугорчатая и пурпурная халоцинтии, шаровидные и плоские морские ежи... В прилегающих водах учёные насчитали более 200 видов рыб. Среди них и экзотические: акула-молот, мореношука, летучие – долгопёр обыкновенный и

длиннокрыл разнохвостый, ставрида-алектис, парусник, большая корифена, тунец, меч-рыба... Изыск японского стола – ядовитая фугу – тоже посетительница этих мест. Жюль Верн не дождался ихтиознаний о заливе Петра Великого, и его «Двадцать тысяч лье под водой» потеряли не менее десятка зоологических страниц.

Прячьтесь, бакланы!

Невзирая на очевидную привлекательность, до 1929 года Фуругельм никому особо нужен не был. С одной стороны, со времени падения Золотой империи чжурчжэней приморские земли более трёх веков пустовали, с другой – русским первопроходцам, переселенцам из европейской России и промышленникам было не до удалённого острова – хозяйственной ценности не представлял. Разве что рыбаки-колхозники ловили тунца да сардину иваси.

Другое дело Аскольд – золотоносные недра! Или Путятин – близок к матерiku, богат площадью, озеро с лотосами. Но в 1929-м кому-то в голову всё же пришла коммерческая идея: развести на Фуругельме голубых песцов. С

Командор завезли 50 зверьков. И хотя они плодились не ахти как, у птиц случилась демографическая катастрофа. Мало того, что голубые хищники пожирали яйца и самих птиц, так ещё и закапывали их сотнями – не столько про запас, сколько из-за неумной страсти вороватой природы. К тому же остров к зиме пустел, многие птицы улетали на обширные литорали юга Кореи, где еды вдоволь, на Янцзы и в другие места. Чтобы прокормить песцов, свели на нет нерпичье стадо и перестреляли уссурийских бакланов. Лишь разорив

природное хозяйство острова, поняли: дело – гиблое. И голубую мечту «похоронили».

Морской заповедник птичьих базары оживил.

Тревожно покрикивают, усеяв небо над морем, чернохвостые чайки. Несколько совсем молодых, ещё защитно-серых, но по виду взрослых, составили нам компанию за обедом, как только мы закончили экскурсию. Впрочем, они вернулись вместе с нами, без конца сопровождая группу на тропе. Ничуть не боясь, ждут угощение. Протяни руку – дадут себя погладить. Но нет, так только кажется, – никакого запанибратства, только фото-кормовые отношения. «По каким-то причинам они не научились летать», – пояснил гид.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

«Охрана» ушла на патрулирование. Остров, как может, отстаивает себя. А тем временем Приморье оккупируют «территории опережающего развития». Выживет ли реликтовая земля, одолевшая не одну тысячу свирепых тайфунов? Останется ли заповедной и столь же скрупулёзно, как Мацусима и Погильдо, оберегаемой?

Серёга запустил двигатель.

Замерев на скалах с раскрытыми крыльями, как на монетах орлы, прощаются с нами бакланы. Собачка Ева помахивает приветливо хвостиком – прогуляться к роднику с другом-человеком ей в радость. С зелёного склона обрывистого берега сверкнул окнами евродомик-кордон, ожидавший в августе 2002-го высокого гостя. Не дождался. Пегая кошка Маленькая Дрянь, получившая ещё в отрочестве кличку за своенравность и неуважение к человечеству, вылезла откуда-то из укрытия и принялась обнюхивать, чем наследили в её доме непрошенные гости...

Девушка с Камчатки прислонила к губам пальцы рук, метнула прикосновение острову. Он, конечно, его принял – криком чаек, золотым песком, ласковыми заплесками у скал. Жужжат и щёлкают камеры, смартфоны.

Не поминай лихом, Фуругельм!

Это орудие прямо с острова било по Квантунской армии